

АНТОНИН

Поездка в Румелию

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
А72

А72 **Антонин**
Поездка в Румелию / Антонин – М.: Книга по Требованию, 2014. – 397 с.

ISBN 978-5-4241-5637-3

Поездка в Румелию архимандрита Антонина. Члена Сотрудника Императорского Русского Археологического общества.

ISBN 978-5-4241-5637-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

времени только въ *Руммагъ*. Но; конечно, никому въ голову не придетъ считать Румелию практически достояніемъ *Влаховъ*, пусть даже — *Давовъ* (а по нашимъ изслѣдованіямъ — *Печенговъ*), хотя подъ названіемъ *Куцо-власовъ* и *Цинцаръ* ихъ можно встрѣтить, говорятъ, въ раздробь по всей Румелии. Другими, прямыми — по метрическому, такъ сказать, свидѣтельству, наследниками „Римской Земли“ могли бы быть народы преспомятой *Римской Имперіи*, переходившей въ теченіи вѣковъ съ мѣста на мѣсто изъ Италіи во Францію, изъ Франціи въ Германію (заглянувшей даже въ Испанію), и досуществовавшей съ грѣхомъ по поламъ до текущаго столѣтія. Но и эта „калика переходящая“ въ 1804 г. скончалась и торжественно погребена Европою, по приказу тогдашняго ея диктатора. Настоящихъ, документальныхъ „римлянъ“ такимъ образомъ не стало. Но, упомянутые выше, ничему не научившіеся арендаторы Востока, кромѣ слова *Рум-или*, къ счастью имѣютъ еще другое, за которое крѣпко и ухватились — было въ достояніи 1853 годъ, и продолжаютъ держаться досель. Это ходячее и официальное въ Турціи слово есть: *Рум-милетти* т. е. *родъ* или *народъ*: *Румъ*, представляющій собою если на преимущественную, то во всякомъ случаѣ — существенную часть Турецкой державы. Въ немъ заключается неоспоримый документъ народа *Румъ* = *Ῥωμαίων* = *Романовъ* на право владѣнія Румелией — по юрисдикціи буквы и фатальной Турецкой практики. Только опять бѣда. Въ настоящее время оказывается существующимъ не въ исторіи уже, а въ географіи, изучаемой всею Турціей, королевство *Румъ*, которому имя его служить отличною посылкою къ почетному безъ намека, политическому силлогизму. Не беремся судить, на сколько онъ приятенъ и возжелѣненъ властителю Румелии „Великому Турку“, какъ его называли въ средніе вѣка. Можетъ быть онъ, въ своемъ величій, советъ и неразоуждаетъ о такой мелочи. Нигдѣ на свѣтѣ такъ не читается и не вѣруется любимое божество гнѣности и неспособности — *fatum*, какъ въ Турціи.

Тамъ есть *Румъ*, а здѣсь есть *Рум-или*, думаетъ фатопоклонникъ. Ну, чтожь? Значить, такъ и быть должно. Остается быть покойнымъ... до радостнаго утра! А если бы онъ хотя мало сдвинулся съ своей точки зрѣнія, то въ *fatum* прочиталъ бы, можетъ быть, только *factum* его собственнаго произведенія, который можно толковать до того различно, что при небольшой изворотливости схоластики, Румелии не останется и помину при этомъ, а изъ мрака, нагнаннаго ея именемъ, возникнутъ *Мисія*, да еще и не одна, *Иллирикъ* и *Норикъ*, *Фракія* и *Дакія*, *Миседонія* и *Македонія*, *Пеонія*, *Пелагонія*, *Бизантиска*, *Халкидика* и несчетное множество другихъ именъ и прозваній, и вѣроятно даже простыхъ прозвищъ, хорошихъ уже тѣмъ, что ихъ много... Но — учить своего компатріота (по *Туркестану*) мы не будемъ. Тотъ, кто его послалъ и, такъ сказать, навалилъ на Востокъ, зналъ и знаетъ, что дѣлать, и не безъ Его конечно намѣренія, по крайней мѣрѣ — соизволенія, существуетъ до нашихъ дней такъ называемая *Румелия*, столько вѣковъ привлекающая къ себѣ взоры востока и запада, сѣвера и юга. Кто тамъ не бывалъ изъ великихъ дѣятелей историческихъ? Ксерксъ, Александръ, Пирръ, Антиохъ, Миерадатъ, Цезарь, Константинъ, Атилла, Святославъ, Барбарусса, Баязидъ... и столько другихъ славныхъ воителей и завоевателей ходомъ ходили по перепутной Румелии. Пытаюсь рисовать ее себѣ воображеніемъ по періодамъ, если уже не по вѣкамъ, держа передъ глазами историческія карты *Целларія*, *Крузе*, *Штрунера* и еще кое-кого. Что за хаосъ именъ и пограничныхъ дѣленій! И не перечтешь всѣхъ государствъ и всѣхъ народовъ и народцевъ, въ разныя времена пестрѣвшихъ на *балканскомъ*, какъ теперь его зоветъ географія, полуостровѣ — отъ всесвѣтной Македонской до микроскопической Черногорской державы. Сколько различныхъ языковъ въ разныя времена слышалось на пространствѣ нынѣшней Румелии, и до селѣ еще слышится! Какихъ религій тамъ не перебивало! Какихъ орудій убивать ближняго ни за что ни прочто не перепробовано!

Какихъ кровопролитнѣйшихъ сраженій не видѣла и не вынесла на себѣ историческая почва!

Все эти восклицательные знаки имѣли для меня послѣдствіемъ своимъ одинъ вопросительный: не побывать ли въ такой, полной археологическаго интереса, странѣ? Отвѣтъ на это условливался двумя обстоятельствами: позволеніемъ и, такъ сказать, произволеніемъ. Первое естественно должно было предшествовать послѣднему, и, по особннымъ соображеніямъ, не представляло въ себѣ ничего, надъ чѣмъ бы можно было задуматься. По второму предстояло пройти черезъ цѣлое горнило помысловъ.

Отличное дѣло — прокатиться по Румелии отъ моря до моря, но для этого требуются: крѣпкое здоровье, туго набитый кошелекъ, значительная доля храбрости, терпѣнья и умѣнья и наконецъ — достаточная ученая подготовка, чтобы къ ожидаемому не почерпаемому dulce примѣшивалось хотя маленькое utile. Рискнуть на поѣздку, запасшись однимъ *Исамберомъ* ¹⁾, можно было конечно, но за то слѣдовало проститься съ мыслию вынести изъ нея съ собою какія нибудь „забѣтки“, „записки“, „очерки“ даже простыя „путевыя впечатлѣнія“, достойныя печатнаго слова. Широкій *Ротъ* ²⁾, пожравшій столько моихъ денегъ за разныя, большею частію до сихъ поръ неразрѣзанныя, иностранныя книги, отрекомендовалъ, но отказался доставить, мнѣ подробный дорожникъ нѣкоего *Ami Voué* всей Европейской Турціи. За то попались недавно въ руки „*Les Turcs*“ греческаго туриста — стратегика *В. Николанди* ³⁾, проѣхавшаго всю Румелию вдоль древней *Via Egnatia*,

¹⁾ Itinéraire descriptif, historique et archéologique de l'Orient par Adolphe Joanne et Emile Isambert. Paris. 1861.

²⁾ Въ близкомъ кругу нашемъ такъ титуловался константинопольскій книгопродавецъ Roth, такъ часто докучавшій намъ своими долговыми счетами.

³⁾ Les Turcs et la Turquie contemporaine... par V. Nicolaidy, capitaine de génie au service de la Grèce, Paris. 1859.

и съумѣвшаго обратить (цѣлыми селами) Болгарь въ Грековъ на томъ законномъ основаніи, что Турки вообще всѣхъ православныхъ зовутъ Греками (Румъ). Если присовокупить къ этимъ пособіямъ *Целларія съ Певтингеровою картою*, да выдержки изъ *Oriens christianus* и двухъ-трехъ *Византійцевъ*, то вотъ и весь мой книжный запасъ, которымъ пришлось бы воспользоваться при возможной попыткѣ поставить на ноги исторію того или другаго прославленнаго мѣста. Двѣ карты Европейской Турціи — нѣмецкая *Киперта* ¹⁾ и болгарская, очевидно передѣланная изъ кипертовой, дополняли мою дорожную библіотеку.

црѣ-градъ. 4 Мая 1865 г. Вторникъ.

Все вышеписанное надумано было мною вчера и третьяго дня, подъ вліяніемъ рассказовъ о *Румелии* одного „родолюбца“ книгоноши, румелійскаго уроженца, въ тишинѣ уединенія у любимаго окна, изъ котораго открывается видъ прямо на *Св. Софію*, на Дворцовый мысъ, на портъ Византійскій и на гигантскій *Царь-городъ*, глубоко и широко разстилающійся внизу на югъ и на востокъ и представляющій восхитительную панораму зданій, зелени, воды, цѣлаго лѣса мачтъ, поминутно снующихъ лодокъ и цѣлыхъ пароходовъ, вѣнчаемую высокими горами на далекомъ горизонтѣ. Эти голубыя линіи, отдѣляющія доль земной отъ выси небесной, принадлежать уже другой части свѣта, и другой половинѣ Турецкой Имперіи, которую въ соотвѣтствіе имени: *Рум-или*, слѣдовало бы назвать *Тюрк-или*, такъ какъ тамъ преобладающую стихію народонаселенія составляютъ Турки. А между тѣмъ зовется она официально: *Анадолі*, т. е. Анатоли = востокъ. Словомъ этимъ открывается безконечная историческая перспектива,

¹⁾ Потомъ удалось достать большую карту Европейской Турціи, составленную австрійскими военными инженерами; несмотря на изыщную отдѣлку, она далеко уступаетъ кипертовой въ точности.

отъ которой не отваль бы глазъ. Востокъ есть колыбель человѣчества. Довольно сказать это, что бы сдѣлать мысленный поклонъ въ ту сторону, „откуда свѣтъ истежъ“. Человѣку, любящему припоминать дни древніе и помышлять о лѣтахъ вѣчныхъ, нѣтъ пригоднѣе мѣста для этого, тоже въ своемъ родѣ умнаго, дѣланія, какъ *Византія*, отъ которой и безъ того на рускую душу вѣетъ чѣмъ-то своимъ, близкимъ, но такимъ давнимъ, что теряются всѣ различительныя черты дорогаго образа, и остается въ душѣ одно общее представленіе чего-то неодолимо влекущаго, какъ память о матери у человѣка, осиротѣвшаго въ дѣтствѣ. Малѣйшую долю какъ бы лежащаго на мнѣ археологическаго долга передъ Востокомъ, я уже выполнилъ, посѣтивъ за три года передъ этимъ ¹⁾ ближайшую къ мѣсту теперешняго наблюденія, окраину *Анатоли*, и изблизи повидавъ тѣ, чарующія взоръ, очерганія снѣжныхъ горъ, которыми заканчивается юговосточный горизонтъ. Тѣмъ сильнѣе чувствовалась тяжесть другой половины (скромнѣе-доли) долга — посѣтить западную часть гостепріимной имперіи, вотъ уже пятый годъ дающей мнѣ затишнѣе и, я справедливо бы могъ сказать, неопѣенный пріютъ.

Пера. 7 Мая 1865 г. Пятица.

Изъ приведенныхъ выше соображеній наиболее внушительнымъ я считалъ параграфъ о храбрости, потребной несравненно въ большемъ, нежели сколько у меня есть, количествѣ для того, кто задумалъ бы странствовать по внутреннимъ, закрытымъ для воздѣйствія Европы, мѣстностямъ Турціи, а слѣдовательно и Румелии. Вся гористая полоса ея за Адрианополь къ сѣверу и за Солунь къ западу мнѣ представляется однимъ сплошнымъ гнѣздомъ хищниковъ, которыхъ вся (и единственная) профессія состоитъ въ томъ, чтобы поджидать,

¹⁾ См. статьи мои: *Византія*, въ христіанскомъ чтеніи за 1868—69 годъ.

ловить и обирать, а то и убивать, дорогихъ гостей, несущихъ имъ законную, и Богомъ внушенную — по ихъ понятіямъ, дань отъ своихъ избытковъ. Нужно нанимать себѣ конвой, придать лицу своему значеніе большее, чѣмъ есть и чѣмъ имѣть хочется, запасаться рекомендательными писемлами, этикетировать съ разными властями, держать при себѣ переводчика, и пр., что все совершенно не по духу мнѣ, да и не по платью, если уже говорить всю правду. Какъ же быть? Оказалось — такъ, какъ бываетъ съ тѣмъ ловдомъ, на котораго звѣрь бѣжитъ, т. е. ухватиться обѣими руками за тотъ случай, который со-всѣмъ неожиданно посылаетъ Богъ. Въ консульскомъ составѣ нашего посольства при Высокой Портѣ произошла перемѣна. Занимавшей до сихъ поръ консульскій постъ въ Битоль, г. Х* получилъ переводъ въ Константинополь, а одинъ изъ чиновниковъ генеральнаго консульства здѣшняго, г. Я* опредѣленъ на его мѣсто. Оба чиновника собираются вмѣстѣ отправиться въ Битоль одинъ сдавать, другой принимать консульство. Можно ли было придумать что либо лучше сего для выполненія моихъ задушевныхъ желаній? На робкія освѣдомленія мои о пути въ самое, такъ сказать, сердце Румелии, и главнымъ образомъ объ его безопасности, мнѣ коротко и ясно, и вполне удовлетворительно было сказано, что такое официальное лицо, какъ консуль, можетъ въ сопровожденіи одного кабаса искрестить всю Европейскую Турцію благополучнѣйшимъ образомъ. Итакъ оставалось напроситься въ товарищи къ неустрашимымъ путешественникамъ и готовиться въ путь. Разумѣется, отказа не было. Даже и на счетъ того, какъ бы не оправдалось на насъ слово Премудраго: *кое причастіе горницу съ котломъ? Сей приразится, и той сокрушится*, — на такомъ дальнемъ и длинномъ пути, послѣдовало успокоительное завѣреніе, что вся компанія — болѣе или менѣе — будетъ состоять изъ *горницевъ*, да уже и подержанныхъ, такъ что рискнуть кому нибудь, въ видахъ удалства, сокрушить свои кости едва ли придется охота.

5 Мая въ Ореду ударили по рукамъ, двое съ ~~изъ~~ и двое съ ~~на-~~ ~~шей~~ стороны. Ко мнѣ присталь одной, какъ говорится, масти со мною человекъ, страстный неохотникъ сидѣть на одномъ мѣстѣ, давно порывавшійся повидать какъ живутъ на своей праотеческой землѣ любезные ему, единоплеменные сиромахи *Буаре*, которыхъ ищутъ умственно и гражданственно подавить, не менѣе любезные, единовѣрные есромахи *Грецы* или точнѣе *Греки*. Для меня такой заинтересованный наблюдатель страны, въ которую мы собирались вѣхать, былъ дорогою находкою. А если еще прибавить къ тому, что онъ владѣетъ пятью языками — въ томъ числѣ и болгарскимъ, — то можно назвать себя просто счастливымъ, имѣя такого, и столько приспособленнаго къ дѣлу, спутника. На упомянутомъ рукобѣиіи условились было завтра же отправиться въ путь, воспользовавшись отходомъ въ Солунъ дешеваго французскаго парохода. Но одна „треба“, имѣющая совершиться въ посольской церкви непремѣнно 9-го Мая, задержала насъ вотъ чуть не на цѣлую недѣлю. За это время мы планируемъ предстоящую поѣздку на всевозможные лады. Карта балканскаго полуострова, можно сказать, не выходитъ изъ рукъ. Сложившіяся обстоятельства указываютъ намъ прежде всего неотложный путь моремъ до Солуны, и оттуда сухопутьемъ до Битоля. А далѣе — что? Здѣсь-то и открывается поприще празднопатательству фантазіи. Рѣшено было, во что бы то ни стало, заглянуть въ такъ называемую *Старую Болгарію* и побывать въ *Охридѣ*, откуда выбраться на Адриатическое море или черезъ *Эль-Бассанъ* (Albanopolis) въ *Дураццо* (Диррахій), или черезъ *Вератъ* (Велеградъ) въ *Авлону*, гдѣ и ожидать срочнаго Ллойдова парохода, который возвратитъ насъ въ Константинополь. Такъ поступить казалось намъ и проще и вѣрнѣе и — главное — экономнѣе. Но сердце не лежало къ этому направленію — и не знакомому и не занимательному и весьма небезопасному по причинѣ разбойническаго духа мѣстныхъ жителей, столько извѣстныхъ Албанцевъ или Арбани-

товъ. Болѣе манитъ меня къ себѣ путь сѣверный, полный историческаго интереса, на городъ *Призренъ*, когда-то столичный королевства Сербскаго, на олавный монастырь *Дечанскій*, хранящій въ себѣ мощи Св. *Стефана*, седьмаго изъ кралей Неманевой династїи, славнаго своими несчастїями, — на бывший патриаршій городъ *Пекъ* или *Ипекъ*, — на знаменитую *Студенческую Лаору*, — на *Крагуевацъ* съ его скупштиной, и наконецъ — на *Дунай*, который вынесъ бы насъ въ Чорное море и затѣмъ въ нашъ несравненный *Воспоръ*. Послѣ неоднократныхъ въ подобномъ родѣ, такъ сказать, репетицій предположенной поѣздки, мы остановились наконецъ на добромъ правилѣ доморощенной русской философіи: „утро вечера мудренѣе“. Подъ первымъ разумѣлось одно изъ тѣхъ, въ которое мы, рассмотрѣвшись въ сѣтость на *Перею Юстиніану* и на омывающее ее *Лиснидское* озеро, по указанію обстоятельствъ, не сообразимыхъ въ Константинополѣ, выберемъ либо сѣверъ либо западъ.

Бей-Оглу. 9 Мая. Куриахѣ.

Какъ вчерашнее: *Пера*, такъ сегодняшнее: *Бей-Оглу* суть разноязычныя названія одного и того же предмета, т. е. мѣстности, которая простирается далѣе (*πέραν*) предметія: *Галата*, смотря на последнее изъ Константинополя, и на которой въ какія нибудь, не очень памятныхъ и совсѣмъ нестоющихъ памяти, времена обиталъ вѣроятно нѣкій „сынъ (*оглу*, а по знакомому намъ татарскому произношенію — *угланъ*) Вая“. Если представится другое, болѣе вѣрное, объясненіе турецкаго названія роднаго, въ нѣкоторомъ смыслѣ, угла, мы не имѣемъ ничего противъ этого. Чѣмъ ни замарано негодное къ употребленію платье, все равно... Менѣе равнодушнымъ можно оставаться къ названію времени, чѣмъ мѣста, въ заголовкѣ. Во всемъ христіанскомъ мірѣ одни мы — русскіе — называемъ *Господній день* (= Куриахѣ *ημέρα*, *Dominica dies*, etc.) *Воскресеньемъ*. Какъ и когда осмѣлились

мы сдѣлать это, стоить изслѣдованія. Правда, и другіе славяне не отстали отъ насъ, характеристично придумавъ для перваго дня седмицы имя *недѣли*, которое мы безхарактерно распространили на всю седмицу. Въ маленькихъ вещахъ этихъ, право, есть своя философія. Съ незапамятныхъ временъ, какъ видно, мы начали смотрѣть на себя, какъ на полновластныхъ распорядителей въ своей „избѣ“. Какъ далеко зашли мы съ этимъ деревенскимъ принципомъ въ глубь церковной жизни, полагаю, всякій видитъ. Недалеко ходить за примѣромъ. Мы установили у себя праздникъ *перенесенія св. мощей Святителя Николая*. Сносились ли при этомъ со всею полнотою православной Церкви? Неизвѣстно, но весьма сомнительно. Недавно мы внесли въ ликъ Святыхъ Божіихъ Святителя *Тихона*. А увѣдомили ли объ этомъ всю церковь (τὴν καθ' ὅλου ἐκκλησίαν), т. е. *каволическую* церковь, именемъ которой хвалимся? И чего, .. чего мы не вводили у себя, ни мало не помышляя о томъ, что мы составляемъ цѣльную часть всего общества вѣрующихъ! Что же дивиться тому, что изъ всего православнаго міра у насъ однихъ оказался, живетъ и здравствуетъ позорный расколъ? Но... что толочь воду? Единственная польза отъ такого занятія — моціонъ — не вознаграждаетъ понесеннаго труда. Возвратимся лучше къ празднику *Св. Николая* — храмовому въ той церкви, гдѣ мы сегодня служили. Живущему на Востокѣ и въ частности въ Константинополѣ многое изъ церковной практики нашей должно представляться въ ббльшей живости, ясности и какъ бы близости. Кто читалъ *Синаксарь* (Прологъ), тотъ не могъ не замѣтить, что почти въ каждомъ сказаніи о Святomъ въ концѣ прибавлено, что память его совершается тамъ-то, въ такой-то церкви, что все относится прямо къ Константинополю. Не мало было въ немъ въ старое время и посвященныхъ славному Чудотворцу храмовъ. Упоминаются — наприм. церкви имени его *Дворцовая* и *Влахернская*. Можно бы думать, что всемірная слава его началась именно съ Константинополя, т. е. явле-

ніемъ его здѣсь (еще при жизни) во снѣ императору Константину. Бывалъ ли самъ лично великій Святитель въ новой столицѣ имперіи, не можемъ сказать. Годъ блаженной кончины его неизвѣстенъ. Константинополь официально сталъ именоваться съ 330 года. Послѣ Никейскаго Собора, можетъ быть христіаннѣйшій государь и показалъ всесвѣтному собранію епископовъ свою намѣченную *христіанскую* столицу Имперіи, которой епископъ имѣлъ уже преимущественное значеніе на Соборѣ, въ 325 году. Тогда и празднуемый нынѣ Святитель могъ видѣть и благословить предопредѣленное для толикой славы мѣсто. Какой-то несвидѣтельствованный рассказъ о немъ не усумнился, однакоже, и прямо поставить его въ Константинополь въ достойной его чудодѣйственной славы обстановкѣ. Въ силу его, Св. Николай, прибывши въ столицу ходатайствовать за свой епархіальный городъ, явился будто бы въ императорскій дворецъ въ видѣ убогаго странника, и, послѣ неласковаго приѣма отъ слугъ, снявши самъ съ плечъ своихъ дорожній плащъ, повѣсилъ его, за неимѣніемъ другаго чего, на солнечный лучъ, проходившій изъ окна по передней... Кончая же свои дѣла здѣсь, отправилъ полученный отъ Царя въ пользу города Муръ указъ прямо въ свою епархію по морю, въ тростниковой дудкѣ... Всѣхъ сказаній о вселенскомъ по истинѣ Святителѣ вѣроятно наберется не на одну книгу. Въ далекой дали и въ отдаленной перспективѣ дѣтства припоминается мнѣ рассказъ „тѣтушки“ о томъ, какъ оно мѣдни (или: коѣвадни) въ деревнѣ *Притыкъ* къ одной бабѣ, полѣвившейся пойти на „богомолье“ по случаю безведрія, пришло въ избу одинъ незнакомый старичокъ, и сказалъ: „а ты пошто не въ церквѣ?“ Баба грубо отвѣчала: „а тибѣ што за дѣло?“ Но чуть она произнесла это, какъ нижняя челюсть ея отвалилась. Несчастливая поняла, что имѣетъ дѣло съ Николой батюшкой, стала молиться и каяться, и изцѣлѣла. Сколько такихъ сказаній ходитъ по свѣту, не занесенныхъ на бумагу! Хотѣлось бы по крайней мѣрѣ то, что занесено, собрать